

неотдѣлимости отъ него. Шекспиръ вполне отдѣлимъ отъ своихъ героевъ и вполне заслоняется ими. Мы можемъ не знать, кто былъ Шекспиръ и жить въ мѣрѣ его созданій. Это самый объективный изъ эпическихъ писателей. Толстой—самый субъективный. Толстой неотдѣлимъ отъ К. Левина, Иртеньева, Неклюдова („Утро помѣщика“); въ его творчествѣ всегда силенъ, а часто преобладаетъ элементъ автобиографическій. Въ могучемъ анализѣ Толстого этотъ субъективный, автобиографическій элементъ—самая сильная сторона его творчества и одинъ изъ главныхъ источниковъ *глубины* его анализа. Толстой великъ въ творчествѣ образовъ, близкихъ его душѣ, родственныхъ ему. Чужихъ ему онъ не любитъ и не всегда понимаетъ. Толстой не понимаетъ Шекспира и потому отвергаетъ его. Шекспиръ понялъ бы Толстого и оцѣнилъ бы его.

Это не мѣшаетъ быть Толстому одному изъ лучшихъ аналитиковъ и знатоковъ человѣческой души, и даже животныхъ. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ, гуляя въ полѣ съ Тургеневымъ, Толстой принялъ въ серьезъ шутивное предложеніе Тургенева и сталъ анализировать настроеніе клячи, стоявшей въ полѣ,—да такъ правдиво, что авторъ „Записокъ Охотника“, всегда относившійся съ восхищеніемъ къ таланту Толстого, воскликнулъ не безъ доли досады: „должно быть у васъ, Левъ Николаевичъ, среди вашихъ предковъ была лошадь“.

Существуетъ ложный взглядъ, что Толстой, какъ художникъ, и какъ моралистъ—два разныхъ человѣка, и что въ жизни нашего писателя былъ какой то огромный переломъ. Это не совсѣмъ такъ. Толстой, какъ личность, неотдѣлимъ отъ художника и моралиста, и вся жизнь Толстого—рядъ исканій и переломовъ, группирующихъ однако около единого основанія—одного огромнаго психическаго центра—личности писателя. Толстой это полнѣйшее воплощеніе духовнаго, нравственнаго и физическаго здоровья. Это могучій дубъ, корни котораго глубоко вросли въ почву, а стволъ, непрерывно развиваясь изъ одного основанія, получилъ гигантскіе размѣры и рѣдкую мощь.

Вся жизнь Толстого, его художественное творчество, его проповѣдническая дѣятельность—одно замкнутое цѣлое, одна непрерывно-развивающаяся цѣпь настроеній, переживаній и взглядовъ.

Уже въ полуторагодоваломъ ребенкѣ намѣчается будущій гений. Толстой лежитъ въ пеленкахъ. Они связываютъ его движенія и непріятны ему. „Окружающимъ кажется, что это нужно, тогда какъ я, вспоминаетъ Толстой, *тѣло*, ¹⁾ что это не нужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я—кому она нужна,—слабъ, а они сильны“.

¹⁾ Курень въ всюду пашь. К. А.